

свои занятныя и спальныя комнаты, прислуживать по очередно въ столовой, весною работать съ заступомъ и лопатой въ огородѣ и саду, а лѣтомъ съ косой, граблями и вилами на сѣнокосѣ...

Съ такими задачами и съ такимъ внѣшнимъ и внутреннимъ характеромъ явилось Катихизаторское училище къ началу 189³/₄ г. — пока только въ видѣ опыта. Этотъ опытъ, по прошествіи учебнаго года, въ настоящее время уже можетъ быть подвергнуть оцѣнкѣ и обсужденію. Его вполне можно назвать удачнымъ въ томъ смыслѣ, что Совѣтъ училища съ большою пользою для дѣла расширилъ его программу. Но тотъ же опытъ, а также мѣстныя нужды, для удовлетворенія которыхъ существуетъ училище, ясно показали, что на сдѣланной реформѣ училища остановиться никакъ нельзя, что его необходимо еще расширять, и вотъ къ началу 189⁴/₅ учебного года при училищѣ открытъ *пятый* классъ. Въ составъ его, за недостаткомъ желательнаго числа своихъ учениковъ, были приглашены лучшіе ученики уѣздныхъ и полныхъ городскихъ училищъ. Насколько послѣдняя реформа нашего училища окажется пригодною для его цѣлей, покажетъ конецъ текущаго учебнаго года.

Иеромонахъ Амвросій.

Б а к с ы.

(нѣчто о киргизской медицинѣ).

Съ переходомъ на зимовыя стойбища, среди киргизскаго населенія Тургайской области, кромѣ другихъ болѣзней, имѣетъ особенное распространеніе горячка (*сузекъ*). Болѣзнь эта развивается, нужно полагать, отъ сырости и крайняго неудобства дымныхъ и тѣсныхъ киргизскихъ зимовокъ, въ которыхъ двери никогда не обиваются и рѣзкій морозный вѣтеръ дуетъ во всѣ открытыя щели стѣнъ, заборовъ и перегородокъ зимовки. Кромѣ того, въ киргизскихъ зимовкахъ печи топятся лишь тогда, когда требуется варить пищу, а поэтому отъ дыма, копоти и пара зимовка под-

вергается рѣзкимъ переменѣмъ температуры воздуха, очень вредно вліяющимъ на здоровье кочевниковъ.

Болѣзнью „сузекъ“ киргизы болѣютъ подолгу, при чемъ не соблюдаютъ діеты, отчего, конечно, происходитъ засореніе желудка, а вслѣдъ затѣмъ появляются признаки другихъ недуговъ, заключающихся въ ломотѣ рукъ, ногъ и въ особенности поясицы. Подобныя болѣзни киргизы называютъ „*жель*“ (повѣтріе) и „*жинз*“ (порча).

За врачебною помощью и совѣтомъ кочевники обыкновенно обращаются къ *даргерамъ*, которые лѣчатъ ихъ настоемъ дорогой травы, корней *чинъ-чунъ*, *азретъ-кушкулъ* и проч.—лѣкарствами, принимаемыми въ водѣ и кумысѣ; корень *азретъ-кушкулъ* служитъ средствомъ для очищенія желудка.

Въ случаѣ, если лѣченіе даргеровъ не приносить никакой пользы, то киргизы обращаются за помощью къ такъ называемымъ *баксамъ*.

Лѣченіе баксъ заключается къ игрѣ на кобызѣ. Кобызъ—это инструментъ, похожій на миниатюрный русскій контръ-басъ; деревянный же смычекъ, которымъ баксы водятъ по струнамъ кобыза, выдолбленъ жолобомъ. Нѣкоторые баксы обдѣлываютъ свой кобызъ для пущей вежности серебромъ. Струны кобыза дѣлаются изъ конскаго волоса, который натягивается также и на смычекъ. Звукъ кобыза—дико-унылый. При игрѣ на кобызѣ бакса въ одно и тоже время подпѣваетъ такимъ же заунывнымъ голосомъ и тѣмъ самымъ вызываетъ своихъ „*джиновъ*“ (духовъ). У каждого баксы есть свой джинъ, который и служитъ ему при лѣченіи. Такъ напримѣръ,—у одного баксы есть джинъ, по имени „Курабай“, у другого „Наръ-тайлякъ“, у третьяго—„Кара-за“ и т. д. Вызовъ духовъ баксы производятъ слѣдующими, довольно оригинальными, заклинаніями: „Курабай, тебѣ изъ 90 овчинъ шуба не вышла, а изъ бухарской матеріи ширипка у штановъ не вышла; иди, осмотри все и скажи ему“. Или же: „Наръ-тайлякъ, ты—страшный человѣкъ; ты побывай въ Бухарѣ, Хивѣ, Москвѣ и Петербургѣ, вездѣ разговоры ведай, нигдѣ не остапавляйся и прилетай“ и т. д. Подобныхъ заклинаній у баксы найдется очень много.

По вызовѣ джина, игра на кобызѣ и пѣніе прекращаются и съ баксой начинается припадокъ: онъ начинаетъ ломаться и грызть себѣ руки, у рта его показывается пѣна и глаза закатываются подъ лобъ. Последнее означаетъ, что въ баксу начинаетъ вселяться джинъ, по окончательномъ вселеніи котораго наступаетъ и конецъ припадка.

Тогда бакса беретъ въ руки ножъ (обыкновенно тупой солдатскій тесакъ) и начинаетъ колоть имъ себя въ шею и пропускать его съ боку черезъ животъ. Во время пропусканія тесака черезъ животъ бакса говоритъ джину: „*тартъ*“!, т. е. „тащи черезъ животъ“!—и въ тоже время чмокаетъ губами и подсвистываетъ. Пропусканіе тесака черезъ животъ продѣлывается баксой подъ рубахой и обязательно — сидя ¹⁾).

Послѣ этого бакса встаетъ и начинаетъ ходить по кибиткѣ или землянкѣ, поетъ и разговариваетъ со своимъ джиномъ, бьетъ себя въ грудь „*токнакомъ*“ (колотушкой), беретъ въ руки огонь, а также и продѣлываетъ разные фокусы, какъ напримѣръ, разсѣкаетъ тесакомъ на кибиткѣ кошму, которая, не смотря на это, остается цѣлой и невредимой. Такіе фокусы баксы продѣлываетъ надъ больнымъ два или три раза.

Затѣмъ бакса говоритъ какъ самому больному, такъ и его родственникамъ о томъ, что джинъ обѣщаетъ ему выгнать изъ больного недугъ, переселить его въ какую нибудь скотину и что болѣзнь, которою одержимъ больной, есть ничто иное, какъ порча или повѣтріе. При этомъ бакса выражается такимъ образомъ: „джинъ сказалъ мнѣ, что болѣзнь эта должна выйти изъ больного на кобылу гнѣдо-карей масти, не старше 4-хъ лѣтъ“. Тогда больной долженъ отыскать такую кобылу, которая зарѣзывается, и лѣченіе оканчивается.

Бакса примѣняетъ при лѣченіи больныхъ еще и другой способъ, называемый „*каю*“. При этомъ способѣ бакса беретъ изъ только что зарѣзаннаго барана или козла горячій гусакъ, только

1) На самомъ дѣлѣ, нужно полагать, тесакъ проходитъ снаружи живота, такъ какъ бакса во время пропусканія тесака нагибается корпусомъ впередъ, а самый животъ втягиваетъ въ себя, отъ чего на немъ образуется складка изъ кожи, сквозь которую и проходитъ остріе тесака.

безъ печени, сажаетъ больного на полъ и начинаетъ хлопать его этимъ гусакомъ сперва по больному мѣсту, а затѣмъ по спинѣ, въ бока, грудь и ноги. При этомъ бакса обходитъ вокругъ больного три раза, произнося какія-то заклинанія и отплевывая каждый разъ въ сторону.

Еще бакса примѣняетъ слѣдующій способъ лѣченія: больного завертываютъ въ горячую шкуру, снятую съ зарѣзанной кобылы, для того, чтобы онъ хорошенько пропотѣлъ и чтобы изъ больного вытянуло такимъ образомъ болѣзнь. Способъ этотъ называется „*тере-тусты*“.

Баксы также лѣчатъ и женщинъ, которыя не рожаютъ; при лѣченіи употребляютъ тѣ же приемы, какіе были описаны выше. По окончаніи припадка, бакса встаетъ и, съ помощью вселившагося въ него джина, усыпляетъ больную, которая падаетъ на полъ и лишается чувствъ. Тогда бакса поднимаетъ ее, становится на ноги и заставляетъ пѣть и играть вмѣстѣ съ нимъ на кобызѣ и вообще подражать всѣмъ его дѣйствіямъ. Въ заключеніе бакса, приказавъ больной лечь и заснуть, пляшетъ вокругъ нея и втыкаетъ ей въ горло тесакъ. Нѣкоторые баксы даже разрѣзываютъ больнымъ женщинамъ животъ ¹⁾.

Послѣ всего этого бакса беретъ больную и кладетъ на заранее приготовленную постель и лѣченіе этимъ способомъ кончается ²⁾.

Во время игры на кобызѣ баксы гадаютъ и ворожатъ, а также и даютъ отвѣты на всѣ предложенные имъ вопросы.

Понятно, что за подобное лѣченіе состоятельные киргизы платятъ баксамъ одну или двухъ лошадей, а бѣдные кочевники всѣ свои надежды на выздоровленіе возлагаютъ на Бога.

Охотно киргизы обращаются за врачебною помощью и къ русскимъ докторамъ, хотя обращеніе это и сопряжено со многими трудностями и большими неудобствами. Во-первыхъ, врачи,

1) Втыканіе въ горло тесака я видѣлъ самъ лично, но что касается разрѣзыванія баксами живота у больныхъ женщинъ, то очевидцемъ этого факта я не былъ, хотя многіе киргизы утверждаютъ, что это правда.

2) Лѣченіе это происходитъ въ присутствіи народа, при чемъ бакса не едитъ смотрѣть въ щели кибитки или зимовки, а также и въ окошки.

безъ осмотра больного, никакого лѣкарства ему не дадутъ, везти же больного къ врачу, при громадномъ разстояніи отъ аула до города, почти невысказуемо; во-вторыхъ, киргизы никогда не слѣдуютъ указаніямъ врача относительно пріема лѣкарствъ и соблюденія діеты, и въ третьихъ, врачамъ, за дальностью разстоянія, невозможно бываетъ слѣдить за ходомъ болѣзни своихъ пациентовъ.

Всѣ эти обстоятельства поселили среди киргизъ увѣренность, что и русскія медицинскія средства и лѣкарства не приносятъ больнымъ ровно никакой пользы.

Въ данномъ случаѣ немалую пользу принесли бы киргизамъ небольшія аптечки и состоящіе при нихъ фельдшера. Принимая во вниманіе, что за безуспѣшное лѣченіе больныхъ киргизы платятъ тѣмъ же даргерамъ и баксамъ скотомъ, а нерѣдко ровъ и деньгами, расходъ на аптечки и на содержаніе фельдшеровъ врядъ-ли можетъ быть обременителенъ для кочевниковъ¹⁾.

Жильцовъ.

Мое учительство²⁾.

(изъ записокъ учителя инородческой школы).

Въ іюнѣ 1892 года мѣстные чувашіи стали приготовляться къ жертвоприношенію по суевѣрному языческому обычаю; они должны были принести въ жертву: лошадь, быка, барана и трехъ гусей, которыхъ распредѣляютъ по значенію боговъ: лошадь, небесному богу, быка—земному, барана—богу дождя, гусей—сохраняющему отъ разныхъ бѣдствій. Чтобы противодействовать этому языческому обряду, я сталъ читать чувашамъ книгу подъ названіемъ „Ученіе противъ чувашскаго общественнаго моленія“. Послѣ продолжительнаго чтенія и бесѣдъ, многіе изъявили согласіе оставить жертвоприношеніе, а нѣкоторые не

¹⁾ Тургайская газета, 1895 г. № 7.

²⁾ Окончаніе. См. „Прав. Благов.“ № 4, стр. 214—220.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣщае
ѣхъ во имя Оца и Сна и Свѣтаго Дѣха.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

1896.

Годъ четвертый.

ТОМЪ I.

№ 4.

ФЕВРАЛЬ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. П. СЛЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОВ. Д.

1896

О способахъ лѣченія у киргизовъ ¹⁾).

І. Лѣченъе баксъ.

Сентября 7 въ 10 ч. веч., ложась спать, я услышалъ какой-то необычайный хриплый напѣвъ, сопровождаемый игрою на киргизскомъ музыкальномъ инструментѣ, называемомъ домбра. Выйдя изъ своей джуламейки, я убѣдился, что звуки идутъ изъ сосѣдней кибитки киргиза 4 го аула нашей волости Ищана Корсакова. Войдя въ нее, я засталъ тамъ киргиза Амакульской волости Танабая Косгильдина, славящагося въ народѣ баксой (шаманомъ). Бакса этотъ былъ приглашенъ женой Корсакова для лѣченія сына, четырнадцатилѣтняго мальчика, страдавшаго разстройствомъ живота.

Послѣ моего прихода бакса долго игралъ на домбрѣ и пѣлъ непріятнымъ хриплымъ и дрожащимъ голосомъ съ закрытыми глазами и съ судорожнымъ движеніемъ всѣхъ членовъ своего тѣла, такъ что лицо стало у него блѣдно и покрылось потомъ. Около него на кошмѣ находился больной въ полудлежащемъ положеніи на подушкѣ и съ ногами, протянутыми къ горѣвшему по срединѣ кибитки огню. Измучившись до послѣдней степени, бакса быстрымъ движеніемъ отбросивъ въ сторону домбру и схвативъ приготовленныя 7 былиннокъ чіа, длиною больше четверти аршина, обвитыхъ верблюжьей шерстью и обмакнутыхъ въ растопленномъ бараньемъ салѣ, поспѣшно натыкалъ ихъ въ землю около ногъ больного. Зажегши эти своеобразные факелы, онъ хваталъ огонь голыми руками, крича во все горло, и растиралъ какъ бы этимъ огнемъ больному ноги, руки, животъ и спину. Въ это время мать больного, по приказанію баксы, зажгла другія 7 былиннокъ чіа, только на этотъ разъ не обвитые шерстью и

¹⁾ Изъ Тугайской газеты № 45, 1895 г.

не пропитанные саломъ, съ которыми вышла изъ кибитки и 7 разъ обходила вокругъ нея и смотрѣла, чтобы изъ степи не пробѣжала въ кибиткумышь или земляной заяцъ, что, по мнѣнію баксы, могло повредить лѣченію. Затѣмъ, когда почти догорѣли 7 былинкокъ чія, воткнутыхъ въ землѣ, бакса быстро выхватилъ ихъ и ловко бросилъ какъ будто впередъ въ больного, на самомъ же дѣлѣ назадъ въ горящій огонь очага. Потомъ бакса затихъ и, какъ будто засыпая, постепенно выпускалъ изъ рукъ домбру. Черезъ нѣсколько времени онъ, какъ бы очнувшись, открылъ глаза и сталъ говорить обыкновеннымъ голосомъ. Прежде всего онъ приказалъ хозяйкѣ поставить на таганъ большой котелъ, пустой, и нагрѣвать его; затѣмъ потребовалъ двѣ деревянные чашки, одну пустую, другую съ водой, и перелилъ изъ послѣдней въ первую 40 ложекъ воды. Въэто время подали баксѣспрошенные имъ 7 зеренъ черного перца. Положивъ ихъ къ себѣ въ ротъ, бакса вновь началъ играть на домбрѣ, сопровождая игру дикими хрипыми криками, съ движеніемъ всѣхъ членовъ своего тѣла. Разжевывая во время игры перецъ, онъ 7 разъ плюнулъ въ чашку съ водой—и опять притихъ, притворяясь спящимъ. Очнувшись вскорѣ, бакса приказалъ хозяйкѣ снять раскаленный котелъ съ тагана и поставить его на землю около больного, котораго накрыли одеждами съ головой. Тогда бакса, схвативъ чашку съ водой, забиралъ воды въ ротъ 40 разъ и прыскалъ ею въ раскаленный котелъ. Изъ котла поднялся паръ, клубами охватывая больного. А бакса снова началъ натирать больному ноги и руки, какъ бы этимъ паромъ, и растирать все его тѣло, по прежнему съ дикими необыкновенными криками. Этимъ закончилось лѣчение.

Тогда я спросилъ баксу, какая можетъ быть польза больному отъ его крика и игры на домбрѣ. Онъ отвѣчалъ, что больной будетъ здоровъ, что такимъ способомъ онъ лѣчитъ больныхъ, которые всѣ выздоравливали, и привелъ въ примѣръ мать управителя Аманкульской волости, которая-де, послѣ его лѣченія, на другой же день сдѣлалась совершенно здорова.

Д. Щетинкинъ.

II. Лѣченіе даргеровъ.

Для характеристики ужасныхъ способовъ лѣченія киргизскихъ даргеровъ (знахарей) и крайне опасныхъ результатовъ его я расскажу слѣдующій любопытный случай, которому былъ очевидцемъ.

Въ концѣ декабря 1894 года, проѣзжая по дѣламъ службы по волости, я съ проводникомъ своимъ киргизомъ Уронбаемъ завернулъ, по случаю сильнаго мороза и позднего времени, въ аулъ знакомаго мнѣ киргиза Байбусына Акимова, съ намѣреніемъ отогрѣться у него, а если возможно, то и переночевать. Послѣдній однако, хотя считался хорошимъ моимъ знакомымъ и никогда прежде не отказывалъ мнѣ въ гостепріимствѣ, на этотъ разъ не пожелалъ впустить меня въ свою кибитку. Удивленный такой неожиданностью, я полюбопытствовалъ узнать, что за причина была съ его стороны для необычнаго отказа и при томъ въ столь холодное время. Акимовъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ радъ бы принять гостя, но къ сожалѣнію у него находится сейчасъ даргеръ, который въ эту ночь будетъ лѣчить его жену отъ болѣзни, которая состоитъ въ томъ, что жена не родить дѣтей. Такое объясненіе сильно подстрекнуло мое любопытство, и я настоялъ на томъ, что у него ночую.

По входѣ въ помѣщеніе кибитки и послѣ неизбежнаго чаепитія, при разговорѣ съ даргеромъ, я пришелъ къ тому заключенію, что человѣкъ этотъ, оказавшійся выходцемъ изъ Туркестанскаго уѣзда, есть совершеннѣйшій пройдоха. Онъ показаль мнѣ небольшой деревянный ящикъ съ лѣкарствами, въ которомъ были: напатырь, камфора, ртуть, синій (желѣзный) купоросъ и т. п., также разныя травы, изъ которыхъ я узналъ лишь шафранъ. Для того, чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе на Акимова, даргеръ сталъ объяснять происхожденіе лѣкарствъ, будто-бы однѣ изъ нихъ куплены въ Бухарѣ, другія вывезены изъ Стамбула (Константинополь), а нѣкоторыя корни изъ самой Мекки, и рассказывалъ тому подобныя небылицы. Даргеръ обратился и ко мнѣ и съ важностью, на какую способны азіаты,

заявилъ, въ объясненіе своей методы лѣченія, что жена Акимова не родить дѣтей вслѣдствіе сильной простуды.

Послѣ того даргеръ принялся за лѣченіе больной, которое состояло въ слѣдующемъ.

Даргеръ прежде всего налилъ въ чайную чашку около 3-хъ золотниковъ ртути, которую и предложилъ выпить больной; потомъ черезъ четверть часа заварилъ въ горячей водѣ немного шафраннаго цвѣта и далъ ей выпить эту жидкость; наконецъ заставилъ ее пить кипяченую воду изъ самовара, какъ можно больше. Пока варилось мясо къ ужину, Кадеша (такъ звали жену Акимова) продолжала пить и выпила до $\frac{3}{4}$ самовара. Послѣ того, когда былъ готовъ ужинъ, даргеръ собственноручно наложилъ больной въ чашку мяса около 4-хъ фунтовъ и понудилъ ее съѣсть все безъ остатка. Бѣдная женщина давилась, но ѣла. Во время ѣды ее вырвало два раза, и она молила даргера избавить отъ непосильнаго блюда; но даргеръ былъ неумолимъ и заставилъ ее съѣсть все, имъ наложенное въ ея чашку, что и исполнено было ею, хотя и черезъ силу. Въ заключеніе былъ вторично скипиченъ самоваръ, и даргеромъ было предложено Кадешѣ выпить его весь. Кадеша, покоряясь волѣ даргера и желанію мужа, а можетъ быть, и питая надежду на то, что лѣченіе избавить ее отъ безплодія, пила до того, что потъ съ нея катился градомъ, и даже возбуждалась рвота. А даргеръ между тѣмъ поощрялъ ее восклицаніями „аллахомъ беръ“ и съ торжествомъ увѣрялъ, что лѣкарство производитъ дѣйствіе, простуда выходитъ, и Кадеша съ этихъ поръ сдѣлается способной раждать.

На утро отъ проглоченной ртути, выпитой воды (всего до 60 чайныхъ чашекъ, по словамъ Кадешы) и съѣденнаго мяса въ такомъ количествѣ Кадешу, какъ говорится, перевернуло такъ, что ее узнать было нельзя: она дѣйствительно сдѣлалась больна и лежала въ постели съ опухшимъ, блѣднымъ, какъ воскъ, лицомъ и синими кругами подъ глазами. Видя ее въ такомъ положеніи, я высказалъ мужу опасеніе, какъ бы его жена не умерла отъ такого леченія. Но Акимовъ съ раздраженіемъ отвѣчалъ мнѣ, со словъ даргера, что потъ и рвота полезительны для нея, что ими выгоняется внутренняя болѣзнь. Послѣ того мнѣ ничего не

оставалось дѣлать, какъ попроситься съ хозяевами и ѣхать далѣе.

Въ первыхъ числахъ сентября текущаго года мнѣ случилось опять быть у Акимова. Разговорились между прочимъ о здоровьи Кадеша. Я спросилъ его, была ли какая польза отъ прошлогодняго лѣченія даргера. Акимовъ со вздохомъ отвѣчалъ мнѣ, что твоя-де правда: Кадеша немного не умерла тогда, а дѣтей послѣ того все-таки не родить, напротивъ она стала больна и мается теперь животомъ. При этомъ онъ мнѣ все разсказалъ, какъ обманщикъ даргеръ увѣрялъ его въ томъ, что непременно вылѣчитъ жену; какъ онъ, повѣривъ тому, отдалъ даргеру 10 рублей, припасенныя для уплаты подати и разныхъ повинностей, и какъ онъ послѣ того для уплаты податей долженъ былъ пролатъ мѣстнымъ кулакамъ 5 штукъ восьми-мѣсячныхъ барановъ. Въ заключеніе своего разсказа онъ далъ клятву никогда болѣе не обращаться къ даргерамъ и высказалъ мнѣ свою рѣшимость свести съ обманщикомъ счеты, только бы послѣдній попался ему.

При разставаньи я посовѣтывалъ Акимову свозить свою жену въ г. Тургай къ акушеркѣ. Акимовъ видимо готовъ былъ исполнить мой совѣтъ; только разстояніе его аула до города (болѣе 300 верстъ) представляло большое затрудненіе. Впрочемъ, онъ обѣщалъ исполнить. Исполнить-ли?

А. Бушаевъ.

III. Лѣченіе татаръ-шарлатановъ.

Однажды, именно въ сентябрѣ настоящаго года, во время моей службы въ Чингильской волости, пришелъ ко мнѣ киргизъ Б—бекъ Ка—евъ, лѣтъ повидимому 40—45, болѣзненный на видъ. Въ рукахъ у него была завернутая въ сѣрую бумагу полбутылка, какъ оказалось, съ лѣкарствомъ. Поздоровавшись со мной, киргизъ просилъ меня объяснять ему, что это за лѣкарство, какую оно можетъ принести пользу и какъ вѣрнѣе употреб-лять его.

На вопросъ мой, чѣмъ онъ болѣнъ и гдѣ досталъ лѣкарство, киргизъ разсказалъ мнѣ, что вотъ уже третій годъ у него ужасно

болить грудь, въ особенности во время ненастья, и мучить удушливый кашель, отъ котораго онъ не можетъ избавиться. Лѣкарство же имъ куплено у татарина, оренбургскаго торговца, разъѣзжавшаго по степи, Сибагата, который привезъ его по особому заказу, сдѣланному имъ еще въ прошломъ году, и взялъ съ него 2 р. денегъ. Татаринъ велѣлъ ему пить лѣкарство по полъ-чайной чашкѣ въ день и сказалъ, что онъ выздоровѣетъ отъ болѣзни только тогда, когда выпьетъ все содержимое полбутылки. Однако, онъ, не смотря на болѣзнь, не рѣшался, безъ крайней нужды, пока еще не выбился изъ силъ и не слегъ, пить этого лѣкарства, такъ какъ въ немъ, по словамъ сердобольнаго татарина, было немного водки.

„Спасибо ему, Сибагату, говорилъ больной, что онъ сказалъ мнѣ правду, а то бы я, не зная, выпилъ съ этимъ лѣкарствомъ вино, и сдѣлалъ бы невольно великій непростительный грѣхъ“ ¹⁾).

Заинтересованный таинственнымъ лѣкарствомъ, я съ большой осторожностью развернулъ полбутылку, за цѣлость которой въ моихъ рукахъ больной, видимо, опасался.

Что же, увидѣлъ я, какое драгоценное лѣкарство, когда развернулъ бумагу? Это оказалась цѣлая, еще нераспечатанная, водочная полбутылка съ надписью на ярлыкѣ: „Перцовка“, цѣна 45 копѣекъ.

Когда я сталъ объяснять, что это за лѣкарство, даже самъ больной не могъ удержаться отъ удивленія, приговаривая обычное: „Ай, ат-тегенай!“ (Вотъ такъ такъ!). Конечно, я посоветовалъ киргизу, оставивъ въ покоѣ татарское лѣкарство, отправиться въ городъ къ врачу, если онъ хочетъ получить облегченіе отъ своей болѣзни. Онъ уѣхалъ отъ меня, обѣщая исполнить мой совѣтъ.

Я же остался, размышляя, что „Перцовка“ дѣйствительно полезное лѣкарство, ибо принесло торговцу-татарину на затраченные имъ 45 коп. 1 руб. 55 коп., т. е. около 350% чистѣйшей пользы.

Н. Тонаревъ.

1) Извѣстно, что мусульманамъ запрещается Кораномъ пить вино.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

ШЕДШЕ научите всѣ языки, крѣщае
ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ августѣйшимъ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ.

1900.

Годъ восьмой.

ТОМЪ I.

№ 3.

ФЕВРАЛЬ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1900

Б а к с а.

(Изъ міри киргизскихъ суевѣрій).

Въ первый разъ увидѣлъ я баксу ¹⁾ въ аулѣ № 1 Каратурской волости, Тургайскаго уѣзда. Онъ былъ лѣтъ шестидесяти, низенькаго роста, съ пріятнымъ лицомъ и тихою заискивающею улыбкою; звали его Сюименбаемъ. Люди, видѣвшіе виды, посмѣивались надъ нимъ, а суевѣрные приходили въ ужасъ, особенно женщины. Явился Сюименбай съ неизмѣннымъ своимъ кóббызомъ ²⁾. Станный видъ имѣетъ этотъ музыкальный инструментъ, напоминающій глубокую чашку съ двумя отростками. Длинный отростокъ—это грифъ; на противоположномъ меньшемъ отросткѣ, выдолбленномъ корытцемъ и обтянутомъ кожей, утверждается треугольная подставка для двухъ струнъ изъ конскаго волоса. На каждую струну употребляется отъ 35 до 40 волосъ. Волосы не скручиваются и натягиваются двумя большими колками. Играютъ на кóббызѣ смычкомъ.

Этотъ кóббызъ, началъ рассказывать мнѣ Сюименбай, принадежалъ моему дѣду и отцу; у меня онъ уже тридцать лѣтъ, а всего ему больше двухъ сотъ лѣтъ; отъ времени онъ почернѣлъ, какъ вороново крыло, но играетъ счастливо, и джины—мои духи повинуются мнѣ, когда я вызываю ихъ игрою на кóббызѣ. Дѣдъ мой и бабка, а также отецъ и мать были баксы. Когда умеръ отецъ, джины (духи) выбрали своимъ повелителемъ

¹⁾ Бакса—колдунъ, знахарь.

²⁾ Кóббызъ у киргизскаго баксы то же, что и бубень съ колотушкой у сибирскихъ шамановъ: при игрѣ на немъ легко пѣть, онъ же изображаетъ орудіе для пораженія враждебныхъ силъ.

старшаго моего брата Керегебая, но онъ не захотѣлъ быть баксой и заплатилъ за это жизнью,—его нашли удушеннымъ сзади зимовки. Второй братъ Сарынжишъ тоже не захотѣлъ быть баксой. Однажды онъ ѣхалъ на пѣгомъ иноходцѣ и вдругъ закричалъ: „джины, джины!“ Лошадь бросилась въ сторону и понесла его степью... На пути попался колодезь, и братъ разбилъ въ немъ голову. Тогда мнѣ было 30 лѣтъ. Я принялъ на себя домъ, хозяйство и сталъ забывать о джинахъ. Но вотъ, что было однажды со мною. Отправился я искать верблюдовъ въ камыши. Солнце садилось. Забрался я въ камышевую заросль и вижу, что съ одной стороны идетъ полчище муллъ въ огромныхъ бѣлыхъ чалмахъ, а съ другой — какое-то войско. Я испугался и потерялъ сознание. Когда я очнулся, было далеко уже за полночь. Ярко блеснули звѣзды, и только луну закрывала небольшая тучка. Я не сталъ искать верблюдовъ и поспѣшилъ домой. Руки и ноги мои тряслись, а голова кружилась. Я легъ въ кибиткѣ, и слышно мнѣ, какъ сходятся джины; сошлись и говорятъ: „Изберемъ себѣ повелителемъ Сюименбая; пусть онъ лечитъ больныхъ и изгоняетъ изъ людей шайтановъ. Эй! Сюименбай, слышишь ли, что мы говоримъ? Иди и лечи!“ Въ это время самъ собою заигралъ отцовскій кобызъ и пошелъ отъ стѣны, у которой лежалъ, ко мнѣ. Я взялъ его и не расстаюсь съ нимъ, какъ уже сказалъ, тридцать лѣтъ.

Всѣ джины отца моего повинуются мнѣ. Есдаветъ — главный, умный джинъ; онъ бросается на помѣшанныхъ и бѣшеныхъ людей и выгоняетъ шайтановъ. Ергобень — второй джинъ. Подобно тому, какъ получается масса отраженій окружающихъ предметовъ въ зеркалѣ при быстромъ повертываніи его, такъ отражаются въ Ергобенѣ болѣзни людей. Онъ можетъ въ нѣсколько минутъ пролетѣть сотни и даже тысячи верстъ; лошадь его — мухортая (особый отгѣнокъ гнѣдой), со звѣздой на лбу, а хвостъ завязанъ пучкомъ, какъ завязываютъ ямпики во время грязи ¹⁾. Ергобень предсказываетъ, кто и когда придетъ, кто

¹⁾ У сибирскихъ татаръ, держащихся шаманства, нечистые духи тоже всегда имѣютъ коней, на которыхъ ѣздятъ.

будетъ счастливъ и на кого обрушится несчастье. Акмараль— третій джинъ. Онъ, какъ Есдавлеть, кидается на сумасшедшихъ. Если у сумасшедшаго шайтанъ силенъ, Акмаралу долго приходится бороться съ нимъ. Если побѣда становится за Акмараломъ, сумасшедшій начинаетъ плакать и причитываетъ, что разстается съ своимъ отцомъ (шайтаномъ) и братьями, а самъ до крови царапаетъ лицо. Я напустилъ однажды обоихъ джиновъ, Есдавлета и Акмарала, говорилъ Сюименбай, на одного сумасшедшаго киргиза, и оба они не могли справиться съ больнымъ. Родственники сумасшедшаго стали упрекать меня: „давно ты лечишь, Сюименбай, людей, а помочь намъ не можешь“. Я сказалъ: „у меня есть еще джинъ, только живетъ онъ въ Турціи... Подайте мнѣ три стакана чаю!“ Выпилъ я стаканъ, другой, сталъ было уже пить третій, какъ задрожали у меня руки и ноги; я не могъ усидѣть на мѣстѣ. Въ это время въ кибитку влетѣлъ Кѳзбембетъ со своими людьми. Началось настоящее сраженіе между шайтаномъ и джинами. Шайтанъ — въ сумасшедшемъ, а джины—во мнѣ. Мы побѣдили. Больной снялъ съ себя рубашку, штаны и сталъ выбрасывать черезъ шангаракъ¹⁾, приговаривая: „ушла болѣзнь съ одеждою“. Я назвалъ бы Кѳзбембета первымъ за его огромную силу, да не столько ума въ немъ, какъ у Есдавлета. Носится Кѳзбембетъ въ синей каретѣ на высотѣ пяти пикъ; у него тридцать служащихъ; есть кашевары, ямщики, проводники. Тельсары— женщина, пятый мой джинъ,— лечитъ людей съ слабымъ мочевымъ пузыремъ. Шестой джинъ— кемпиръ, т. е. старуха, безъ имени; ей 90 лѣтъ; на шубу ей требуется 90 овчинъ; губа одна — до неба, другая — до земли; глаза маленькіе, щеки впалыя; лечитъ, кого рветъ, у кого ломота въ костяхъ, и у кого простуда вообще. Кержыланъ (бука. мухортая змѣя) — змѣя, лечитъ женщинъ, страдающихъ болью въ животѣ; длиною Кержыланъ 10 сажень, шириною 5 сажень; пролѣзаетъ черезъ ротъ или носъ, проходитъ по всему кишечному каналу и выноситъ болѣзнь. Когда Кержыланъ вцѣпится

¹⁾ Такъ называется отверстіе вверху кибитки, черезъ которое выходитъ дымъ.

въ болѣзнь, я кричу ему: „кереге бойлы Кержыланъ! босага бойлы Босжыланъ! Айда, тартъ!“¹⁾... Ерсары, Манатъ, Анатъ, Кыргы и другіе—мелкіе джины, о которыхъ не стоять и говорить. Джины, продолжалъ разсказъ свой Сюименбай, питаются хрящами и сухожиліями. Въ полдень джины находятся около кладбищъ; это—ихъ мѣсто жительства; вечеромъ они расходятся по рѣкамъ, ночью—по ауламъ, утромъ—снова по рѣкамъ. Вотъ почему киргизы утромъ и вечеромъ не пускаютъ женщинъ своихъ на рѣки; они боятся, что джины будутъ приставать къ нимъ: джины любятъ женщинъ. Есдавлета у меня покупали за лошадь съ халатомъ, да не отдалъ. Есдаветъ не ушелъ бы даромъ, а лишилъ бы меня руки, ноги или—по крайней мѣрѣ—пальца на рукѣ или ногѣ за то, что продалъ его, не находя въ немъ вины,—закончилъ Сюименбай.

Разостлали среди компаты коверъ, и баксѣ усѣлся. Забѣгалъ смычекъ по струнамъ кóбыза. Загудѣлъ, застоналъ кóбызъ, сначала рѣзко и дико, а затѣмъ полилась пріятная мелодія. Игра по своему размѣру (трохеи) напоминала мнѣ русскую народную пѣсню:

„Эхъ, березоньки, вы кудрявыя!

Вы не стойте здѣсь, при дороженькѣ“.

У баксы отличный баритонъ. Голосовые переходы отъ низкихъ грудныхъ нотъ къ высокимъ замѣчательно хороши и правильны; они отличаются или строгою постепенностью или рѣзкимъ паденіемъ тоновъ. Если кто хочетъ слушать настоящихъ киргизскихъ пѣвцовъ, пусть слушаетъ баксу. Раздается легкій присвистъ. И слышу, что въ пѣснѣ баксѣ обращается къ Богу, къ предкамъ, какъ и шаманы сибирскихъ инородцевъ, и просить ихъ помощи въ призывѣ джиновъ. Вотъ онъ призываетъ ихъ самъ. Баксѣ начинаетъ вскрикивать и все сильнѣе и сильнѣе вздрагиваетъ, рѣзко обрывая игру на кóбызѣ. „Тек-гау!“

¹⁾ По-русски: о мухортая змѣя съ остова юрты! о сѣрая (сивая) змѣя толщиною съ дверной порогъ! ну, тяни!..

раздается страшный нечеловѣческій крикъ, т. е. „берегись!“ Является Ергобень. Какъ сумасшедшій, вскакиваетъ баксѣ, бросаетъ кобызъ и начинаетъ бѣгать съ плетью вокругъ кольца оцѣпившихъ его зрителей. Плеть заходила по спинѣ Сюименбая; такъ и летятъ удары за ударами; баксѣ хватается рукою за спину. Ергобень не даетъ ему покоя; надо постегать джина покрѣпче плетью; не себя бьетъ баксѣ, а Ергобеня, только у самого спину передергиваетъ, да рука невольно хватается за избитыя мѣста. Затѣмъ Сюименбай начинаетъ обходить зрителей, дѣлаетъ страшныя гримасы и грозитъ плетью. Онъ останавливается больше передъ робкими и суевѣрными. Женщины въ страхѣ отступаютъ назадъ. Снова заигралъ кобызъ и запѣлъ баксѣ заклинанія. Вдругъ онъ припрыгнулъ и гулко ударилъ себя по лбу кобызомъ, затѣмъ началъ себя же бить смычкомъ и кружиться, такъ что у рта показалась пѣна. Сюименбай пришелъ въ изступленіе ¹⁾).

Въ комнатѣ стояла невыносимая жара. Отъ массы собравшихся киргизовъ шель специфическій удушливый запахъ. Нужно было освѣжиться. Когда я возвратился, баксѣ тихо сидѣлъ уже на коврѣ. Въ этотъ же вечеръ или—вѣрнѣе—въ эту же ночь Сюименбай лизалъ раскаленное желѣзо и становился босыми ногами на раскаленную до-красна плиту.

На слѣдующій день баксѣ предполагалъ лечить киргизскую дѣвушку — Капію. Я былъ приглашенъ отцемъ больной Ишмухаммедомъ Актанберлинымъ еще разъ посмотреть на искусство баксы. Землянка, довольно обширная по размѣрамъ, съ потолкомъ и поломъ, что встрѣчается обыкновенно у зажиточныхъ киргизовъ, была переполнена народомъ. Капію я видѣлъ раньше. Дѣвушка съ большими круглыми не киргизскими глазами и черными блестящими волосами, перехваченными, на русскій манеръ, голубою лентой, производила на меня тогда впечатлѣніе степной красоты и несокрушимой силы. Народная молва приписывала ей романъ съ однимъ молодымъ джигитомъ, кончившійся, какъ это

¹⁾ Въ такое же изступленіе приходятъ теперь и сибирскіе шаманы (напр. въ Томской и Енис. губ.), приходилъ и бакса, котораго видѣлъ А. Левшинъ.

бываетъ перѣдко у дѣвушекъ, весьма печально. Капій старалась скрыть свое положеніе. Услужливыя старухи поили ее разными ядовитыми травами, и съ тѣхъ поръ стала дѣвушка чахнуть, такъ что дни ея были уже почти сочтены. Я нѣсколько опоздалъ. Баксѣ давно продѣлывалъ свои фокусы. Онъ сидѣлъ на дорогомъ коврѣ. На указательномъ пальцѣ поднятой кверху лѣвой руки Сюименбай держалъ высоко надъ головою кобызъ, а поперекъ кобыза на струнахъ остріемъ внизъ лежала старинная киргизская кривая сабля. Раздались дикіе оглушительные звуки. Баксѣ вскочилъ и, какъ волчѣкъ, началъ кружиться, только мелькали полы его бешмета, а кобызъ и сабля сохраняли свое положеніе, ни на секунду не теряя равновѣсія. Затѣмъ Сюименбай клалъ въ ротъ горстями иголки, жевалъ ихъ, и мнѣ слышалось хрустѣніе на зубахъ, — кололъ себя въ животъ кинжаломъ и снова кружился. Больной не было видно; она лежала за кошмой въ углу комнаты. Баксѣ всталъ противъ кошмы, махнулъ сверху внизъ рукою, и кошма раздвоилась. Всѣ были поражены; наиболѣе смѣлыя женщины ощупывали разрѣзъ и удивленно покачивали головами; я никакъ не могъ объяснить себѣ этого фокуса. „Капій“, закричалъ баксѣ, „кель маган (иди ко мнѣ)!“ Больная встала и сдѣлала нѣсколько неувѣренныхъ шаговъ по направленію къ баксѣ. Я не узналъ ея. Гдѣ прежняя сила, цвѣтущее здоровье, свѣжесть лица и молодость?! Казалось, что это не Капій шла, а двигалась тѣнь ея. Глубоко ввалившіеся глаза смотрѣли безжизненно; роскошные волосы мѣстами свалились и безпорядочно падали на плечи. Она смотрѣла внизъ, а десятки глазъ жителей впились въ нее. Я не могъ разобрать заклинаній баксы, да едва ли кто разобралъ ихъ другой: мнѣ кажется, что Сюименбай говорилъ всякую бессмыслицу. Онъ кричалъ и ломался предъ больной, грозилъ ей то саблей, то кинжаломъ, заставлялъ садиться и вставать, выходить изъ комнаты и возвращаться; наконецъ, оба закружились, завертѣлись и оба упали. У баксы, какъ и вчера, изо рта била пѣна. Мнѣ показалось, что Капій не дышетъ. Но вотъ она открыла глаза, обвела ими комнату и застонала. Этого за душу хватающаго стопа никогда я не забуду. „Теперь поправится“, обратилась ко мнѣ какая-то

старуха; „у баксы — сильные духи; многихъ онъ поставилъ на ноги!“ Но больная не поправилась, — черезъ недѣлю ее схоронили ¹⁾.

А. Е. Аленторовъ.

Положеніе миссіонеровъ въ Китаѣ.

(Размышленія стараго католическаго миссіонера).

Японско-китайская война повлекла за собою огромный наплывъ европейцевъ въ Китай. Съ разныхъ сторонъ различныя европейскія національности проникли въ Небесную Имперію съ разнообразнѣйшими цѣлями, планами и предпріятіями. Европа почувствовала свою силу въ Китаѣ; но нельзя сказать, чтобы увеличивающееся значеніе европейцевъ оказало благоприятное вліяніе здѣсь на дѣятельность и успѣхъ христіанскихъ миссій. Не лишены интереса размышленія по этому поводу одного стараго католическаго миссіонера, живущаго въ Китаѣ.

„Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—католическая миссія съ своими 39-ю викаріатами распространена по всей странѣ, число миссіонеровъ велико, средствъ у нихъ много, школы, церкви, госпитали и пріюты умножаются, а число туземныхъ христіанъ сдѣлалось меньше, чѣмъ оно было въ 18-мъ вѣкѣ. Теперь въ Китаѣ приблизительно 600 тысячъ христіанъ, а въ 18-мъ вѣкѣ ихъ было 800 тысячъ,—и при томъ въ числѣ ихъ были лица высшихъ классовъ, люди образованные, — даже при императорскомъ дворѣ были христіане. Теперь же христіанство принимается больше низшими классами народа, между тѣмъ какъ образованные классы сторонятся его. А въ прежнія времена миссіонеры не располагали и половиною тѣхъ средствъ, которыя теперь въ ихъ рукахъ.

Въ 17-мъ и 18-мъ вѣкахъ Китай представлялся Европѣ страной совершенно неизвѣстной и крайне таинственной. Мис-

¹⁾ Извѣстія въ Обществѣ Арх., Истор. и Этнографіи при Казанск. Univ. т. XVI в. 1.